

КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX— НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вып. 6

Сборник научных трудов

СТАТЬЯ Н.А.РУБАКИНА "КНИЖНЫЙ ПОТОК" И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КНИГИ В РОССИИ

В богатом и обширном литературном наследии Н.А.Рубакина имеются сочинения, которые еще не привлекли до сих пор должного внимания исследователей. К их числу, на наш взгляд, принадлежит статья "Книжный поток", опубликованная в журнале "Русская мысль" в 1903-1904 гг.¹ Статья не вошла в двухтомное собрание избранных трудов Рубакина². Ее лишь мельком упомянула в своей монографии К.Г.Мавричева³. Почти отсутствуют ссылки на эту статью и во многих других сочинениях, посвященных творчеству Рубакина, его книговедческим воззрениям.

Статья "Книжный поток", между тем, должна рассматриваться в одном ряду с такими широко известными работами Рубакина, как "Опыт программы для исследования литературы для народа" (1899), "Книжное оскудение" (1893), "Этюды о русской читающей публике" (1895), "Книжный прилив и книжный отлив" (1909). Без статьи "Книжный поток" представление о Рубакине-книговеде, исследователе русской общественной жизни, становится неполным и отрывочным. Выпадает важное звено в цепи неустанных поисков ответов на главные вопросы, которые занимали Рубакина всю его долгую жизнь: богата ли Россия книгами, много ли у этих книг читателей, кто они, как менялись с годами их численность, социальное положение, характер занятий, влияют ли запросы читателей на производство книг и их распространение, какие общественные препятствия и преграды преодолевает книга на пути к читателю, какова роль библиотек в борьбе с этими препятствиями.

Книга для Рубакина - сложное, многоцветное явление культуры, корнями уходящее в общественную жизнь, ее духовную сферу. Общество - книга - читатель - постоянная рубакинская триада - присутствует и в статье "Книжный поток", составляя опору его рассуждений о судьбе книги в России.

Нужно заметить, что при положительном изменении в последние годы оценок литературного наследия Н.А.Рубакина и его взглядов, мы еще встречаем, даже в благожелательных статьях и исследованиях, рассуждения о якобы "отвлеченно-просветительских взглядах" Рубакина, о том, что он будто бы не учитывал цели, с которой обращается к книге читатель⁴. Необоснованность этих упреков становится очевидной после знакомства со статьей "Книжный поток".

Главное действующее лицо статьи - читатель, или точнее, по выражению Рубакина, "толпа читателей", появление которой знаменовало начало перемен в издательском деле России. Новые запросы и требования читателей, изменившийся характер среды, в которой жила книга, - в этом видел Рубакин животворное начало, двигавшее вперед книжное дело.

В статье "Книжный поток" в равной мере проявился талант Рубакина-книговеда, социолога, публициста, просветителя, демократа. Статья, написанная при вступлении России в XX в., не потеряла злободневность и в наши дни. Известно, какие горячие споры ведутся сейчас о наследии, накопленном Россией к рубежу конца 1917 г., и, в частности, о том, каков был уровень развития промышленности, науки, культуры, просвещения, книжного дела. Статья "Книжный поток" дает отчасти ответы на эти вопросы. Она выявляет динамику развития книжного дела в России в конце XIX в., раскрывает движущие силы, показывает взаимосвязь процессов, происходящих в обществе, с книжным и издательским делом, отмечает весьма положительные сдвиги, обозначившиеся к этому времени в производстве книг.

В анализе книгоиздательской ситуации Рубакин подходит к оценке книги не только как чисто культурного явления. В силу того, что он никогда не был отвлеченным просветителем, далеким от реальной действительности, он не забывал о коммерческой стороне развития книжного дела и книжного рынка. В статье "Книжный поток" Рубакин несколько раз вспоминает определение, которое дал в "Капитале" К. Маркс товару и сущности рыночных отношений. Да, книга - явление культуры, но она одновременно и товар, требующий создания особых условий для его реализации. Не чуждаясь экономической стороны книгоиздательской деятельности, Рубакин доказывает, что выпуск книг - дело не только прогрессивное и благородное, но и выгодное. На примере деятельности таких издателей, как И. Д. Сытин, А. С. Суворин, О. А. Попова и многих других, он показал, что можно успешно совмещать просветительские и коммерческие функции книгоиздания. (О возможном гармоничном сочетании интересов издателей и читателей мало задумываются современные книгоиздатели, предпочитая, к сожалению, слушать лишь богу коммерции.)

Статья "Книжный поток" важна и для знакомства с состоянием книжной статистики в России. Рубакин опирается в своих рассуждениях на статистические данные, собранные не им самим, а опубликованные ранее в других источниках (в частности, в "Правительственном вестнике"). Но анализ этих данных, его методология настолько оригинальны, а внесенные Рубакиным поправки столь существенны, что можно считать статью "Книж-

ный поток" одной из фундаментальных российских работ в области книжной статистики.

Статья "Книжный поток", как уже указывалось, была напечатана в трех номерах журнала "Русская мысль" (1903 г., N 3, 12; 1904 г., N 4). Статья осталась незаконченной. Обещанного в апрельском номере "Русской мысли" за 1904 г. окончания не последовало. Нам неизвестны причины, в силу которых обещание не было выполнено. Можно лишь пожалеть об этом, так как Рубакин обещал в завершающей части статьи дать обзор "таких отделов русского книжного рынка, которые прежде всего выражают тенденции читающей толпы"⁵. Впрочем, и в трех опубликованных частях статьи можно найти много интересного материала, характеризующего направленность умов "читающей толпы".

В эти годы на русском книжном рынке успешно расходились так называемые "тенденционные издания" или, как их еще называли министерские чиновники, "книги отрицательного направления". Рубакин связывал успех этих изданий, в основном брошюр, с поведением читательских настроений и прослеживал влияние читательского спроса на состав и характер книжного репертуара. Верные здравому смыслу издатели издавали то, что находит спрос. Он писал: "Не теми издателями держится книжный рынок, у которых "нюха нет", а теми, у кого он есть"⁶.

Статья "Книжный поток" занимает в общей сложности шестьдесят семь журнальных страниц. Она имеет подзаголовки - "Факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет". Рубакин имел в виду период с 1887 г. по 1901 г. В статье, правда, часто встречается еще один рубеж - 1895 г., когда, по мнению Рубакина, в России народился новый читатель - фабричный рабочий. Отмечая значительные перемены, которые наступили в середине 1890-х гг. в промышленных центрах России, Рубакин писал, что именно в этих центрах и "выдвинулся тот читатель, который явился одним из самых активных потребителей книжного товара"⁷. К этой мысли он возвращается неоднократно, настойчиво повторяя, что оживление книжного рынка прежде всего связано с нарастанием читателей в слоях фабричного люда. Разбирая во второй части статьи "какие книги печатаются в наибольшем количестве экземпляров", Рубакин подробно аргументирует это положение: "В глубине этого крупного и знаменательного явления лежит не что иное, как основной факт переживаемого нами ныне момента русской истории, - выступление на сцену, в качестве действующего элемента, новой, весьма многочисленной и все более и более нарастающей толпы читателей, - читателей из широких слоев трудящегося народа, прежде всего фабричных и крестьян"⁸. Он

считает, что на этом "держится, этим обуславливается, этим живет, на этом растет русский книжный рынок; в этом же и залог его развития и успеха"⁹. По мнению Рубакина, в книжном потоке существуют свои приливы и отливы. Самый высокий подъем приходится на 1896-1901 гг.

Н.А.Рубакин многократно использует в статье слово "поток". Он вынес его и в заглавие статьи. Сравнение процессов, происходивших в книжном деле в последние 15-20 лет XIX столетия, с потоком, стремительным и неукротимым в своем течении, позволяло Рубакину предметно передать ощущение неодолимости, динамизма, масштабности наступивших перемен. Поэтический образ потока казался ему олицетворением поступательного развития книжного дела в России, вопреки препятствиям, трудностям, порой - отступлениям. Символ потока понадобился Рубакину и для того, чтобы показать - плавное движение в эти годы перешло, по его словам, в "извержение".

Первая часть статьи так и называется - "Нарастание книжных богатств в России". Она посвящена росту производства книг, расширению и углублению их ассортимента, появлению читателя, по выражению Рубакина, en masse. Поток выступает в статье и как зримое воплощение прогресса человеческой мысли, работы человеческого ума. Поток, пишет Рубакин, несет в своем вечном и стремительном движении "остатки прошлого, перемены настоящего, надежды на лучшее будущее"¹⁰. Он обладает созидательной и одновременно разрушительной силой, "сметающей прошлое во имя лучшего будущего". Метафоричность языка Рубакина, его красочность и эмоциональность делают статью образцом публицистики, обращенной не только к профессионалам книжного дела, но и к самой "читающей толпе".

Статистические данные, которыми располагал Рубакин, позволяли утверждать, что, начиная с 1887 г. по 1901 г. включительно, производство книжного товара увеличилось в России более чем в три раза. (Речь идет об изданиях на русском языке)¹¹. Это поразительное, по словам Рубакина, ускорение связано, как уже отмечалось, с глубокими сдвигами в русской жизни за последние 15-20 лет. Нарастание книжных богатств есть "не иное что, как внешний признак внутренних перемен"¹². Эти перемены породили новый читательский слой в русском обществе и новый тип читателя.

Задачу статьи Н.А.Рубакин сформулировал так - познакомить читателя с потоком книг и брошюр, изучить книжный поток с количественной стороны, выразить его в цифрах, указать его размеры, его рост, показать разветвления книжного потока и, насколько это возможно, его направление¹³.

Автор статьи был далек от эйфории. Он трезво оценивал обстановку, в которой развивалось книжное дело в России на рубеже XIX-XX вв. Рубакин сознавал, что миллионы людей стоят в стороне от книжного потока, "не понимая его значения, не зная того, что он может дать и что он уже многим дал и дает"¹⁴, что сам поток неоднороден - в нем смешиваются "чистые и мутные струи воды", в нем существуют два рукава: первый рукав - книги, дозволенные цензурой и "допущенные", второй - книги, дозволенные, но не допущенные¹⁵. Движение книжного потока искусственно замедляется властями, стремящимися ограничить тягу русского народа к книге. "Да, - писал Н.А.Рубакин, - книжный поток вырос за 15 лет в три слишком раза, а приходится глубоко сожалеть о существовании условий, воспрепятствовавших ему возрасти в пять и в десять раз"¹⁶. Легальный характер статьи предписывал Рубакину сдержанность, выбор "парламентских" выражений, но в то же время он старался не лишать читателей возможности доводить его авторские рассуждения до логического конца.

Н.А.Рубакин продолжал оставаться оптимистом, верившим в непреодолимое могущество книжного потока: "Нет такой силы, которая могла бы его остановить; нет и не может быть таких искусных инженеров, которые вогнали бы его в определенное ими русло и навсегда заключили бы его между плотин и шлюзов"¹⁷.

Перемены в книжном деле исследуются в статье по многим направлениям:

- 1) рост числа названий,
- 2) изменения в количестве экземпляров, выпущенных в свет,
- 3) содержательный состав книжного потока,
- 4) соотношение читательских потребностей и состава книжного ассортимента,
- 5) изменение типологии книжного репертуара,
- 6) появление нового читательского слоя и новых типов читателей.

Рубакин высоко оценивал значение книжной статистики. Он считал, что ее данные поучительны также и для истории русской общественной жизни. Как общество влияет на развитие книжного дела, так и книга, в свою очередь, воздействует на общество, улучшает его душевное здоровье. Особенностью

* Под книгами "допущенными" Рубакин подразумевал прежде всего книги, рекомендованные к чтению Министерством народного просвещения и включенные в состав министерских каталогов.

статьи "Книжный поток", как и многих других сочинений Рубакина, было органичное соединение конкретного анализа развития книжного дела в России с философским осмыслением роли книги в русском обществе. В его руках книжная статистика превращается в средство глубокого погружения в книжный мир, во внутренние и внешние законы, которые им управляют. Книга, писал Рубакин, "связывает в одно единое целое писателя и читателя, героя и толпу, данный исторический момент и историю в целом"¹⁸.

Рубакин с сочувствием относится к судьбе писателей, которые вынуждены отстаивать свои убеждения в борьбе "с окружающей средой, с другими авторами и с другими общественными течениями"¹⁹. С особой любовью он писал о "писателях-победителях", книги которых начинали новую эру в духовной жизни человечества.

В 1902 г. Министерство народного просвещения издало распоряжение о недопущении сочинений Н.А. Некрасова в народные читальни "в виду отрицательного направления многих произведений означенного автора"²⁰. Этот факт побудил Рубакина резко выступить против "министерских каталогов", регламентирующих доступ книг в народные читальни. Сочинения Пушкина, Некрасова, Белинского, Глеба Успенского и других "народных заступников", которые в эти годы усилиями прогрессивных издателей "пошли в народ", по-прежнему исключались из разряда "рекомендованных к чтению" книг. Но повторилось то, что уже не раз было в истории русской литературы. С появлением нового читательского слоя (из фабричных людей и крестьян) возник и новый читательский тип. Этот читатель, с радостью отмечал Рубакин, стремится жить своей головой, предпочитает выбирать книги сам - обстоятельство, которое породило и новые особенности русского книжного рынка. И среди них, как уже отмечалось, большой спрос на книги и брошюры так называемого "отрицательного направления". Они стали ходовым книжным товаром, который шел "очень быстро и ходко без всякого одобрения"²¹. Поразительным, по словам Рубакина, было то, как увеличилось количество книг по общественным и политическим вопросам (их численность возросла в три раза по числу названий и почти в пять раз по числу экземпляров). Эти перемены говорили как о потребностях "читающей толпы", так и о чуткости русских издателей. Не прошло мимо внимания Рубакина и такое любопытное явление: стремление читателей из народа выбирать "самим" и "по-своему" привело не только к росту публицистики для народа, но и к тому, что некоторые публицистические книжки встречали "заметное несочувствие" у

этих новых читателей, что сказывалось на их издании и распространении. И еще одна примечательная деталь: отрицательная, оградительная роль министерских каталогов привела к обратному явлению - к росту числа покупателей книг. Покупали то, что нельзя было взять в читальнях, школах, библиотеках и что хотелось именно поэтому обязательно прочесть. Министерские каталоги, в своем стремлении "насадить в голове читателя известные взгляды и воззрения", не только делали из читателей покупателей, но и несолоно, утверждает Рубакин, помогали распространению "тенденциозных книг"²².

Для Н.А. Рубакина книга живет лишь во взаимодействии с читателем. Его интересуют различные типы читателей, направленность их читательских запросов и симпатий. Его радовало, что многие издания стали теперь предназначаться "толпе покупателей". Народ, а не так называемая "чистая публика", пришел на книжный рынок за товаром, и издатели спешили издавать то, что пользуется наибольшим сбытом в народной среде²³. В этой связи прослеживалась Рубакиным и такая зависимость: число названий выпускаемых в свет книг росло, но его рост был более замедленным, чем рост тиражей книг. Увеличилось число повторных изданий. Средний тираж книг в эти годы составлял около 6000 экземпляров (в 1887 г. - 3,5 тыс.). Более широкий спрос на книгу, вовлечение в книжный рынок социальных групп, представлявших значительную часть общества, объясняли рост тиражей. Для Рубакина симптоматичными оказались и результаты переписи 1897 г., которые подтверждали заметное увеличение числа грамотных людей как в городе, так и в деревне. В некоторых губерниях уровень грамотности в деревнях составлял 25-30 %, в городах - 35-50 %. Рубакин не абсолютизировал значение этих цифр (неграмотными продолжали оставаться миллионы людей), но важным представлялось само движение, его динамика²⁴.

В крестьянских семьях возросли затраты на покупку книг, и все это происходило в трудные годы, когда в России был "недород" и "недоед".

Особенно значительными стали тиражи "народной книги". Они вышли на первое место по числу экземпляров, приходящихся на одно название. Поиск "живых ответов на проклятые вопросы" стал двигателем книжного прогресса. Его не смогли остановить, хотя усилия к этому властями предпринимались, и немалые. В частности, имели место попытки искусственного регулирования книжного рынка. Один из разделов статьи так и называется - "Книги распространяющиеся и книги распространяемые"²⁵. К последним Рубакин относил то, что внедрялось в "толпу читателей" насильственно, с помощью министерских ка-

талогов. О "мертвящем, задерживающем, антикультурном влиянии" этих каталогов на читательские вкусы и пристрастия он пишет с болью и гневом²⁶. Каталоги отражали официальные веяния, насаждали охранительные взгляды и убеждения, были тормозом просвещения.

Для Н.А.Рубакина несомненна была связь, существовавшая между распространением книг и положением библиотек в России. Книга - читатель - библиотека - он считал эту цепь неразрывной. В статье он неоднократно возвращается к мыслям о положении библиотек в России, о их роли. Библиотеки помогают выявить потребности читающей толпы. Они способствуют удовлетворению возросшего стремления к самообразованию. Библиотеки, развитие которых заметно двинулось вперед с 1890 г., возбудили в населении "аппетит к чтению"²⁷. Но так же, как и в отношении издания книг, отметив положительные сдвиги в библиотечном деле, Рубакин обращает внимание на недостаточное количество народных библиотек и читален. Оно ничтожно по сравнению с реальной нуждой в библиотеках, а их деятельность затруднена частоклоном правительственных запретов и ограничений.

Особенно много усилий потратил Рубакин на изучение "нарастания книжных богатств по разным отраслям знания". Этой теме посвящен заключительный раздел первой - общей - части статьи, а также две остальные части - вторая и третья. Переменам в книжном репертуаре он собирался посвятить и неопубликованную четвертую, заключительную, часть.

В основу отраслевого анализа книжного потока Рубакин положил классификацию литературы, принятую Л.Г.Павленковым, известным русским книжным статистиком. Считая ее неудовлетворительной, он был вынужден ее придерживаться, ибо в противном случае был бы лишен возможности сравнительного сопоставления своих наблюдений и выводов с данными, которые ранее уже были пущены в оборот. Но результаты подсчетов, сделанных Павленковым, он дополнял и собственными наблюдениями.

Весь книжный поток Рубакин поделил на три части - в зависимости от читательского назначения: 1) книги для чтения собственно, 2) книги для изучения (учебники, руководства), 3) справочные книги²⁸. Три четверти справочных изданий составляли календари. Не отличался разнообразием и отдел учебных пособий: преобладали повторные издания далеко не лучших учебников, да и по духу своему этот отдел выражал не столько спрос и потребности, сколько "намерения начальства"²⁹.

Большим ростом был отмечен выпуск книг по общественным наукам. В общем потоке книг он увеличился по сравнению с 1887 г. в 4 раза по числу экземпляров и в 2 раза по числу названий. Особенно преобразился выпуск книг по политической экономии, потребность в которых ощутили как библиотеки, так и книжные торговцы.

Менее утешительными были перемены в отделе народных книг по русской истории. Здесь, по оценке Рубакина, по-прежнему преобладали лубочные романы, официальные и полуофициальные издания³⁰.

Возрастание интереса к общественным проблемам нашло выражение и в росте выпуска брошюр, в появлении "публицистики для народа". Рубакин, всячески приветствовавший выпуск книг для новых читателей, проявил известную осторожность в оценке такого рода изданий. Их распространение было поставлено в особые условия. Поэтому и тиражи диктовались, не активным спросом на брошюры в народной среде, а преднамеренной заданностью, своего рода социальным заказом "верхов"³¹. "Публицистика для народа" пользовалась бы большим успехом у читателей и покупателей, утверждает Рубакин, если бы она давала возможность обсуждать разные вопросы с разных сторон³².

С диалектических позиций подходит Рубакин и к оценке отдела духовно-богословских книг. Здесь также при абсолютном росте числа экземпляров (в пять раз) наблюдались приливы и отливы, а главное - отсутствие настоящего прорыва в новое качество. Преобладали повторные издания, мало выходило в свет новых оригинальных сочинений, серьезных богословских или церковно-исторических исследований. Наряду с серьезной духовно-богословской литературой существовал мощный пласт духовных книг для народа. Их обилие объяснялось, по мнению Рубакина, не столько "действительным народным спросом", сколько искусственным регулированием книжного потока. И тем отраднее показалась ему наметившаяся к рубежу XX в. тенденция: народная светская книга стала отеснять книгу духовную.

Научная книга составляла в общем потоке относительно малый процент. Произошел лишь громадный рост выпуска книг по технике как следствие "подъема российской промышленности"³³. Издание же книг по сельскому хозяйству отставало по-прежнему.

Особые разделы статьи Рубакин посвятил "литературе подрастающих поколений". Его наблюдения об особенностях детского восприятия книги, отношения детей к чтению, библиотекам весьма любопытны в сравнении с положением дел в

ли издательские "интеллигентские фирмы", которые пошли на встречу потребителям, "толпе читателей", изменив характер книжного репертуара, его масштабы и состав. В этом Рубакин усмотрел внешние признаки внутреннего перелома, наступившего в России к началу XX в. Пришли "иные времена, появились новые птицы"³⁹, ускорилась циркуляция идей, возник новый читатель из среды фабричных рабочих и крестьян, книга пошла в народ.

Шестьдесят семь страниц журнального текста статьи Н.А.Рубакина насыщены цифрами, фактами, наблюдениями, выводами. По сути дела это - целая книга, важная для понимания книговедческих воззрений автора. Не устарел и фактический инструментарий статьи. В наше время расширения и обновления исторических знаний собранный Рубакиным статистический материал позволяет придать предметность и многомерность нашим представлениям о состоянии книжного дела в России. Важна статья и в методологическом плане. Рассуждения Рубакина о книге как общественном явлении, о связи книгоиздания с формированием читательского спроса, с изменением типологии читателей, его диалектический подход к изучению запросов "толпы читателей" сохраняют ценность и в наши дни. К мыслям, изложенным в статье "Книжный поток", Н.А.Рубакин возвращается и позднее. В 1909 г. он пишет статью "Книжный прилив и книжный отлив", где, с учетом опыта революции 1905 г., продолжает развивать свои наблюдения о движении книжного потока в России. Здесь рассматривается тот же круг проблем, что и в статье "Книжный поток": накопление книжных богатств в стране, влияние общественно-политической ситуации на этот процесс, взаимоотношения книги, читателя, издателя. Поэтому для понимания динамики этих процессов и их движения во времени необходимо комплексное рассмотрение статей Рубакина, посвященных исследованию книжного потока в России. Стремление Рубакина опираться на точные цифровые данные делает нарисованную им картину достоверной и надежной. Именно это обстоятельство придает его статьям фундаментальность и делает их важнейшим источником по истории книжного дела в России в конце XIX - начале XX в., мимо которого не могут пройти современные исследователи.

Примечания

¹ Рубакин Н.А. Книжный поток. Факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет // Рус. мысль. 1903. N 3. С.1-22 (pag.2-я); 1903. N 12. С.161-180 (pag. 2-я); 1904. N 4. С.155-179 (pag. 2-я).

² Рубакин Н.А. Избранное: В 2 т. М.: Книга, 1975.

³ Мавричева К.Г. Н.А.Рубакин: 1862-1946. М., 1972. С.120-121.

⁴ Смирнова Б.А. Выдающийся русский книговед // Рубакин Н.А. Избранное: В 2 т. Т.1. С.25.

⁵ Рубакин Н.А. Книжный поток... // Рус. мысль. 1904. N 4. С.179.

⁶ То же // Рус.мысль. 1903. N 12. С.162. Далее в примечаниях указываются только год издания журнала, номер и страницы.

⁷ 1903. N 3. С.10.

⁸ 1903. N 12. С.161.

⁹ Там же.

¹⁰ 1903. N 3. С.1.

¹¹ Там же. С.8.

¹² Там же. С.9.

¹³ Там же. С.4.

¹⁴ Там же. С.3.

¹⁵ Там же. С.13.

¹⁶ Там же. С.14.

¹⁷ Там же. С.4.

¹⁸ Там же. С.3.

¹⁹ Там же.

²⁰ 1904. N 4. С.160.

²¹ Там же. С.159, 160-161.

²² Там же. С.161.

²³ 1903. N 3. С.17-18.

²⁴ Там же. С.9.

²⁵ 1903. N 12. С.174.

²⁶ 1904. N 4. С.171.

²⁷ 1903. N 3. С.10.

²⁸ Там же. С.17.

²⁹ 1904. N 4. С.171, 175.

³⁰ Там же. С.159.

³¹ Там же. С.161, 163.

³² 1903. N 12. С.174.

³³ 1903. N 3. С.18.

³⁴ 1904. N 4. С.166.

³⁵ Там же. С.165.

³⁶ Там же. С.155.

³⁷ 1903. N 12. С.175.

³⁸ 1903. N 3. С.15.

³⁹ Там же. С.12.